

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В НОВОСИБИРСКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МНЕНИЙ УЧЕНЫХ

А.М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет

ablazhey@philosophy.nsc.ru

Статья посвящена сравнительному анализу мнений представителей гуманитарных и общественных дисциплин, как из академической, так и вузовской среды, о важнейших сторонах их профессиональной деятельности, включая степень адаптации к изменившемуся социальному контексту. Большое внимание уделяется исследованию специфики повседневной научной работы современного ученого, его отношения к профессии, проблемы воспроизводства социального института науки в России.

Ключевые слова: гуманитарные и общественные науки, научное сообщество, государственная научная политика, фундаментальные и прикладные исследования.

Предмет нашего исследования – сравнительный анализ мнений представителей социальных и гуманитарных дисциплин о нынешнем положении российской науки, в том числе условиях научной деятельности, оценка степени адаптации членов научного сообщества к существующему социальному контексту. Другими словами, будет проведен анализ важнейших – с точки зрения автора статьи – компонентов самосознания и профессионального самочувствия ученого, которые оказывают решающее влияние на его научную продуктивность. Анализ результатов эмпирического исследования будет базироваться на методологическом постулате, согласно которому «самосознание ученого – итог и предпосылка его научной деятельности, ресурс функционирования науки и индикатор состояния научного сообщества, призванного осуществлять ее развитие»¹.

В условиях той непростой ситуации, в которой оказалась сегодня российская академическая наука, вполне понятным выглядит желание как руководства Академии наук, так и ее критиков (например, из Министерства образования и науки) говорить о науке в целом, без ввода дисциплинарных или возрастных границ. В то же время очевидной и отнюдь не новой является констатация того факта, что в современных условиях положение тех или иных дисциплин различно и различия эти продиктованы как субъективными факторами (такими, например, как насыщенность институтов одного дисциплинарного «куста» членами РАН), так и объективно существующим (но при этом, вполне возможно, сформированном вполне субъективно) спросом на продукцию той или иной науки. А вот как раз в этом плане специфика российского рынка образования и научной продукции выражена очень ярко: если в развитых странах все чаще говорят о наступившем веке биологии

¹ Мирская Е.З. Профессиональное самочувствие российских академических ученых // Вестник РГНФ. – 2003. – № 1. – С. 214

и вычислительных технологий, то в России налицо резкий рост влияния социальных и гуманитарных наук. Причины подобного положения, вероятно, можно было бы найти, анализируя и особенности экономической системы страны (отсутствие четко выраженного спроса на инновации в технической сфере), и исторически сформировавшиеся особенности восприятия науки массовым сознанием («национальная наука — это не результаты и не специалисты, а особые отношения между обществом и его институтами, с одной стороны, и научным сообществом — с другой»²), разделение научных отраслей на престижные и непрестижные, и т.д. В целом следует согласиться, что: «вопреки расхожим стереотипам (например, стереотипному представлению о том, что науке «хорошо» при демократии и «плохо» при тоталитаризме), социальных условий, в равной мере оптимальных для всех научных дисциплин, по-видимому, вообще не существует... в условиях крупных разворотов социально-политического курса общественные и гуманитарные дисциплины потенциально обладают лучшими возможностями оперативной адаптации к новому, чем наука естественная и техническая»³.

В качестве эмпирического материала в статье были использованы материалы проведенного в 2004 году массового социологического опроса⁴ научных сотруд-

ников Новосибирского научного центра (ННЦ) и двух новосибирских вузов: классического и технического университетов. Проведенный опрос стал очередным этапом реализующегося с 1992 г. социологического мониторинга ННЦ. Из общего объема выборки социологического опроса в 571 чел. в нее попали 41 представитель общественных и 22 представителя гуманитарных дисциплин, работающие как в академических институтах Сибирского отделения Российской Академии наук (Институт археологии и этнографии, Институт истории, Институт филологии, Институт философии и права, Институт экономики и организации промышленного производства, Государственная публичная научно-техническая библиотека), так и в научных подразделениях и на кафедрах НГУ и НГТУ, в целом — 11 % всех респондентов. Деление на гуманитарные и общественные (в тексте будет употребляться также аналогичный ему термин «социальные») дисциплины, вполне обыденное для западной науковедческой традиции (humanity и social sciences) и только приживающееся у нас, для академической сферы производилось на основе принадлежности респондентов к двум объединенным ученым советам: ОУС по гуманитарным наукам (историки, археологи, этнографы, философы, филологи) и ОУС по экономическим наукам (экономисты). Специфика заключается в том, что социологи в Новосибирске оказались разнесены по разным ОУС: работающие в Институте философии и права СО РАН оказались в гуманитарном, тогда как сотрудник отдела социальных проблем ИЭОПП СО РАН — в экономическом ОУСе. В вузах респонденты сами относили себя к тому или иному блоку дисциплин. Большинство опрошенных не занимают никакой

² Арапов М.В. Есть ли будущее у фундаментальной науки в России? // Общественные науки и современность. — 2005. — № 6. — С.104.

³ Юревич А.А. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту // Наука. Инновации. Образование. — М., 2006. — С. 73.

⁴ Руководитель исследования — Ю.М. Плюснин. Авторы социологической методики: Ю.М. Плюснин и С.Н. Еремин при участии А.М. Аблажея.

административной должности; средний возраст около 43 лет (при том, что попавшие в выборку представители социальных дисциплин оказались старше примерно на 6 лет). По той и другой отрасли самую многочисленную группу опрошенных составили старшие научные сотрудники (в целом около 40 %). Существенные отличия зафиксированы по наличию ученой степени: по общественным наукам лица, не имеющие ученой степени, составили более 31 % опрошенных, тогда как среди гуманитариев лишь 13,6 %; при приблизительно равном по обеим группам количестве кандидатов наук (около 57 %), докторов гуманитарных наук в 2,2 раза больше (27,3 % против 12,2 %). Средний срок работы в науке для респондентов из обеих групп составляет около 17 лет. Среди гуманитариев заметно больше доля исследователей, которые занимаются исключительно фундаментальными разработками: 59 % против 29 %; тогда как среди их коллег по цеху из области социальных наук существенно большее количество ученых, указавших, что они занимаются прикладными исследованиями или разработками: 22 против 9 %. Специалисты общественных дисциплин заметно обгоняют гуманитариев в случае, когда речь о совмещении у одного ученого исследований как фундаментального, так и прикладного характера: 49 против 32 %.

Существенные отличия проявились уже при оценке респондентами общего состояния науки (в анкете соответствующий вопрос был сформулирован широко, без конкретизации, идет ли речь о науке в России в целом или исключительно в Новосибирске). Нормальным его назвали более 18 % гуманитариев, тогда как представители социальных дисциплин проявили

куда больший скептицизм – с подобной оценкой согласились лишь 2,5 % из них. Относительно следующего варианта ответа – «положение нестабильное» – ситуация противоположная: 35 % по социальным дисциплинам против 11,6 % по гуманитарным; примерно то же распределение при выборе варианта «тяжелое и без положительных тенденций»: 20 % против 9 %. Наконец, гуманитарии проявили больший оптимизм при оценке перспектив развития науки: вариант «положение тяжелое, но с положительными тенденциями» выбрали более 45 % при 30 % у представителей социальных дисциплин. Что касается крайней негативной оценки – положение науки критическое – то этот вариант выбрали в среднем 13 % респондентов по обеим группам дисциплин. Это чуть больше, чем в целом по выборке.

Существенная разница, отражающая различия в траекториях адаптации различных групп дисциплин к сложившимся в России условиям научной деятельности, проявилась при оценке изменений в структуре проводимых исследований. Результаты показывают, что для представителей социальных наук в гораздо большей степени характерна общая негативная оценка произошедшей трансформации: более 37,5 % из них (против 9 % у гуманитариев) отметили ослабление по всему спектру проводимых исследований, как фундаментальных, так и прикладных. На фоне очень низкой (около 5%) доли респондентов, отметивших факт *усиления фундаментальных исследований* по обеим группам дисциплин, представители гуманитарного знания отметили существенный прирост прикладных исследований: с этим согласны более 31 %, тогда как среди специалистов в сфере социальных

наук лишь 20 %. Аналогичное распределение характерно и при выборе варианта ответа «на фоне ослабления фундаментальных усиливаются прикладные исследования».

Любопытно, что при ответе на вопрос о наличии в лаборатории (секторе), где работает респондент, фундаментальных работ мирового уровня ситуация существенно меняется. Более 68 % респондентов из гуманитарных институтов положительно ответили на этот вопрос, тогда как среди специалистов в области социальных исследований — лишь около 30 %, т.е. разница более чем двукратная. В то же время более 16 % представителей социальных наук (против 13 % у гуманитариев) констатировали полное отсутствие фундаментальных наработок в силу того, что лаборатория (сектор) занимается сегодня исключительно прикладными исследованиями. Те же тенденции характерны и при оценке доли прикладных разработок: 50 % гуманитариев (против 19 % у специалистов в сфере социальных наук) ответили, что их подразделение ведет исключительно фундаментальные исследования. При наличии примерно равных долей респондентов (в среднем около 28 % в каждой из групп), уверенных в том, что их подразделение обладает конкурентоспособными, пусть и невостребованными прикладными разработками, около 30 % исследователей в области социальных исследований констатировали, что прикладные разработки находятся в работе, против 9 % у гуманитариев. Отмеченный феномен, на мой взгляд, можно объяснить либо тем, что в области гуманитарных науки процесс адаптации к растущему спросу на прикладные исследования идет более динамично, либо тем, что существенная часть секторов и лабораторий в сфере социальных дисци-

плин предлагает на рынок академической научной продукции прикладные наработки, созданные ранее.

Выделяя тенденции, в наибольшей мере отражающие ухудшение положения в соответствующей дисциплине, гуманитарии на первое место поставили *материальную необеспеченность ученых*, далее идут *падение престижа науки и отсутствие притока молодежи*. Для специалистов в сфере социальных дисциплин эта триада выглядит следующим образом: *падение престижа науки, материальная необеспеченность ученых, уход сотрудников в другие сферы деятельности*. По мнению опрошенных, на положение науки почти не оказывают негативного влияния такие процессы, как *ослабление института или вуза, засилье старых кадров и уход сотрудников* (для гуманитарных наук); *ослабление института или вуза, ослабление РАН и вузовской науки в целом* (для социальных наук). Таким образом, негативные тенденции складываются в систему: материальная необеспеченность и падение престижа науки вызывают как *уход сотрудников из науки*, так и *отсутствие должного притока молодежи*. Кроме всего прочего, это указывает также на необходимость учета комплексного характера стоящих перед наукой проблем (материального и психологического свойства), диктующих и комплексный характер способов их решения. Благодаря как постепенному, хотя пока еще и не очень динамичному, изменению отношения общества и государства к науке, так и мерам, принятым в рамках самого научного сообщества, существенно снизилось влияние такого негативного фактора, как уход ученых из науки (т.н. внутренняя миграция): с мнением, что уход прекратился или идет в гораздо меньших масштабах, согласились около 76 % ученых как той, так и другой

дисциплинарной направленности. При существенном снижении отрицательного влияния на положение науки утечки умов за рубеж (внешняя миграция), она остается пока достаточно высокой: более 30 % респондентов их обеих групп признали, что данная проблема приобретала масштабы, грозящие разрушением целых научных школ и направлений.

Одна из задач инициированной и проводимой органами государственной власти, прежде всего Министерством образования и науки, реформы сферы науки, как академической, так и вузовской – ее ускоренная коммерциализация, встраивание в систему рыночных отношений. Результаты проведенного опроса убедительно доказывают: отношение самих ученых к данному процессу скорее отрицательное. Лишь около 30 % исследователей социогуманитарных дисциплин отмечали в целом позитивное влияние процесса коммерциализации, понимаемой как приспособление к рыночным условиям, на положение науки. В то же время чуть менее 70 % оценили его либо как крайне негативный процесс, либо как по большей части негативный. Этот факт подтверждает мнения большинства экспертов о том, что «наука как бизнес (или политика, или ремесло) имеет мало общего с наукой как призванием. Как мало общего между использованием идей и их генерацией»⁵.

Оценивая объективное влияние Президиума СО РАН и руководства обследованных вузов на положение дел в науке, около 1/5 ученых в социальных и гуманитарных исследованиях назвали проводимую ими политику эффективной. С другой стороны,

примерно таково и число участников опроса, которые, напротив, уверены в обратном: и Президиум СО РАН, и ректораты вузов отстранились от решения вопросов сохранения и приспособления науки к новым реалиям. Немногим более половины участников опроса из сферы социогуманитарных исследований в целом констатировали тот факт, что судьба науки решается в рамках государственной политики. Следует обратить внимание на одно важное обстоятельство: лишь 5 % специалистов сферы социальных исследований ответили, что судьба науки решается на уровне отдельной лаборатории и отдельного ученого. Подобное распределение мнений убеждает нас в сохранении свойственных отечественному научному сообществу тенденций к коллективизму, необходимости известной консервации сложившихся в России форм организации науки. Это вдвойне актуально на фоне высокой степени недоверия к государственной научной политике: менее 5 % как гуманитариев, так и специалистов в сфере социальных исследований уверены, что государство предпринимает все возможные усилия для сохранения науки против более чем 25 %, которые, напротив, уверены в том, что конечной целью проводимой политики является развал науки. Большинство респондентов выбрали «мягкий» вариант ответа: государство недооценивает науку и практически бросило ее на произвол судьбы.

Важное место в исследовании заняло изучение состояния конкретного научного учреждения или подразделения вуза, в котором работает респондент, что позволило более детально осветить представления ученых о важнейших компонентах научной деятельности в настоящее время. В целом представления научных сотрудников гума-

⁵ Олейник А.Н. Дефицит общения в науке: институциональное объяснение // *Общественные науки и современность*. – 2004, № 1. – С. 41 – 51.

нитарных дисциплин более оптимистичны: более 27 % из них уверены, что институт (подразделение) сохранил потенциал и продуктивность, тогда как среди их коллег из сферы социальных дисциплин аналогичной позиции придерживаются лишь чуть более 13 %. Немногим более 9 % гуманитариев согласились с тем мнением, что если институт и пережил кризисный период, то произошли необратимые изменения, которые не позволяют восстановить прежний уровень исследований; среди специалистов в области социальных наук такого мнения придерживаются более 30 % респондентов. Стоит также отметить, что ни один из респондентов не видит симптомов нарастания кризиса, другое дело, что оценки послекризисного периода существования учреждения в целом или отдельных подразделений значительно различаются между собой.

Анализ ответов на вопрос о том, какие негативные явления проявились в учреждении в последние 5–10 лет показывает, что для институтов и подразделений в области социальных наук наиболее серьезной проблемой оказался *уход сотрудников из науки или их отъезд за границу, усугубленный недостаточным притоком молодых кадров*. Для гуманитариев в этот качестве выступила в первую очередь проблема *слабого материального обеспечения исследований*. Что касается способов адаптации научных учреждений к меняющимся условиям существования науки или, скорее, способов выживания, то для гуманитарных институтов главную роль сыграли *гранты отечественных и зарубежных научных фондов*, а также *усилия по получению дополнительных средств из государственного бюджета*. Для институтов в сфере социальных наук главное значение имели также *гранты отечественных и зарубежных научных фондов*, на

второе место по значимости респонденты поставили *нерыночные способы получения дополнительных доходов, например, сдача помещений в аренду*. В отличие от институтов физического или энергетического профиля, учреждения социогуманитарного профиля практически не развивали инновационный бизнес, незначительную роль сыграли и отношения с зарубежными партнерами.

Анализ ответов респондентов на вопрос о состоянии различных аспектов научной деятельности в тех учреждениях, где они работают, дал возможность выстроить их типологию в зависимости от выставленных оценок и получить в итоге интегральную оценку промежуточных итогов реформирования научного сектора России. Наиболее высоко опрошенные нами научные сотрудники оценили *профессиональный уровень ученых, возможность пользоваться современными информационными сетями, а также возможность публикации результатов исследований*. На среднем уровне оказались *степень развития прикладных исследований, уровень прикладных разработок, обеспеченность отечественной научной литературой, возможность общения с отечественными коллегами*. Оставляют желать лучшего *степень практического применения результатов исследований и разработок, уровень материально-технического оснащения исследований, обеспеченность экспериментов и экспедиций, возможность общения с зарубежными коллегами, обеспеченность зарубежной научной литературой*. Подобная типология характерна как для гуманитариев, так и для обществоведов. Единственным пунктом, где мнения респондентов в зависимости от дисциплинарной принадлежности значительно отличаются, стала оценка уровня фундаментальных исследований: гуманитарии оценили их высоко и отнесли к первой группе, чего нельзя сказать об их

коллегах из институтов социального профиля.

Ранжируя значимость источников финансирования деятельности своего научного подразделения, львиная доля гуманитариев (более 90 %) на первое место поставили государственный бюджет. Среди специалистов в области социальных наук доля подобных ответов меньше – чуть более 78 %, но для этой группы в принципе характерно наличие более выраженной тенденции к диверсификации источников финансирования исследовательской деятельности. В качестве важнейших каналов поступления средств они гораздо чаще указывают отечественные и зарубежные гранты, а также коммерческую деятельность вне сферы науки. В то время заметное большинство ученых обеих групп дисциплин одинаково скептически относится к сложившейся системе предоставления научных грантов отечественными и зарубежными фондами, причем, как следует из анализа ответов, не в силу особенностей экспертизы или других недостатков. Принципиальным пороком такой системы ученые считают отсутствие возможности долговременного планирования научной деятельности. Более 73 % специалистов в области социальных наук и 63% гуманитариев считают, что грантовая система способна обеспечить только ситуативное выживание науки. В то же время лишь немногим более 2 % научных сотрудников институтов социального профиля согласны с полным отказом от грантов и возвращением к исключительно госбюджетному финансированию; среди гуманитариев эта доля заметно выше – более 13 %. Подобные результаты отражают в целом более заметную ориентацию специалистов в области социальных наук на рыночные способы существования науки.

Значительное место в исследовании занял анализ состояния научных коммуникаций в институтах социогуманитарного профиля. Как показали результаты опроса, большинство специалистов по-прежнему испытывает потребность в профессиональных контактах, совместных разработках, обмене информацией с другими лабораториями (секторами) своего учреждения. Выяснилась интересная особенность: ученые-гуманитарии немного чаще, чем их коллеги (68 % против 63 %) испытывают *постоянную потребность* в такого рода контактах; одновременно другая, пусть и гораздо меньшая (13,6 %) часть гуманитариев призналась, что *вообще не нуждается* в таких научных коммуникациях, тогда как среди ученых в области социальных наук таких было немногом более 2 %. Для обществоведов гораздо более характерен не полный отказ от научных контактов, а их инициирование *время от времени*. Исходя из сложившихся потребностей, прогнозируемой была и частота таких контактов в реальности. Для специалистов в области социальных наук наиболее характерны периодически осуществляемые контакты – с этим согласилось 58,5 % респондентов. Для гуманитариев одинаково характерны и постоянные, и периодически возникающие контакты (по 36 % ответов). Одновременно заметная их часть – более 27 % – лишь изредка, как они сами признают, вступает в научные коммуникации с коллегами по институту (университету).

Когда речь идет о персональном стиле профессионального общения респондента, прежде всего обсуждение с коллегами содержания выполняемой в настоящее время работы, гуманитарии продемонстрировали более открытый характер научных

коммуникаций. Более 63% из них ответили, что делают это *без ограничений*, еще 27% — *не всегда, время от времени*. Наконец, лишь 4,5 % *почти никогда* не обсуждают с коллегами характер и суть выполняемой работы. В случае с сотрудниками институтов и университетов из сферы социальных наук ситуация существенно иная: лишь немногим более половины (52,5 %) из них обсуждают свои исследования с коллегами *полностью и без ограничений*; 35 % делают это *не всегда*, еще 7,5 % — *почти никогда*. Таким образом, результаты исследования показывают — характер повседневной исследовательской деятельности ученых из сферы социальных наук носит более закрытый характер по сравнению с коллегами гуманитарного профиля.

Результаты проведенного исследования не вызывают тревоги за состояние неформальных отношений между сотрудниками в лаборатории (отделе, секторе). В диапазоне от нормальных до прекрасных их оценили 85 % ученых из институтов социального профиля и более 81 % гуманитариев, при том, что у последних выше доля хороших и прекрасных отношений. Те же тенденции характерны и для доминирующего личного настроения большинства сотрудников: 79,3 % гуманитариев распределили свои оценки в промежутке от оптимистичного до нормального настроения; напротив, состояние пессимизма, беспокойства, неуверенности назвали лишь чуть более 13 % респондентов. Немного другие оценки получены для ученых в области социальных исследований. Оценили доминирующее настроение в промежутке от оптимистичного до нормального чуть более 67 % респондентов, тогда как оценку «неуверенное» поставили уже более 16 %, беспокойства — выше 8 %. Можно предпо-

ложить, что подобная, более сложная картина эмоционального состояния ученых в этой группе дисциплин, вообще характерна для отраслей науки, в большей степени ориентированных на рыночные способы существования.

Подобная тенденция отчасти проявилась, когда респондентов просили оценить собственное эмоциональное психологическое состояние, характерное для них в последнее время. «Вилка» значений от страха до беспокойства свойственна 28 % респондентов — специалистов в области социальных наук; что касается гуманитариев, здесь аналогичная цифра составляет 20 % (при том, что ни один не указал вариант «страх»). С другой стороны, научные сотрудники сферы социальных исследований составляют большинство при указании вариантов из противоположной части предложенной шкалы: «вилка» от спокойствия до оптимизма характерна для более чем 46 % из них, тогда как для гуманитариев эта цифра — лишь 35 %. Другими словами, гуманитариям свойственно равномерное распределение оценок повседневного настроения по средней и верхней частям шкалы без ярко выраженных участков спада или подъема, тогда как специалисты сферы социальных исследований склонны к более крайним вариантам и число указавших варианты «страх» или, напротив, «оптимизм» здесь существенно больше. Это не противоречит выдвинутой выше гипотезе о более выраженном в настоящее время рыночном характере адаптации институтов социального профиля (самооценка психологического состояния облегчается, когда речь идет о коммерческих критериях жизненного успеха или неудачи).

Важным индикатором профессионального самочувствия человека науки выступает

глубина планирования научной деятельности: чем она выше, тем более оптимальные условия созданы как в рамках общества в целом, так и конкретного научного учреждения или лаборатории (кафедры) для деятельности по созданию нового знания. При глубине планирования до 1 года ни о каких нормальных условиях для научной деятельности говорить не приходится, поскольку в подобном случае речь, по большому счету, идет не о поступательном развитии карьеры, а об элементарном выживании. Как показали результаты нашего исследования, ситуация с гуманитариями более благоприятна: немногим более 4% из них планируют научную деятельность на срок до полугода; для специалистов в области социальных наук эта цифра составила более 12 %. Не более чем на один год вперед планируют свою деятельность более 26 % (наибольшая доля по данной группе) научных сотрудников сферы социальных наук и около 23 % гуманитариев. Для последних самая массовая доля положительных ответов – около 27 % – относится к срокам планирования в 2 – 3 года, что совпадает либо с усредненным периодом подготовки диссертации (кандидатской), либо с наиболее распространенными сроками реализации проектов, поддержанных грантами (например, РГНФ). Еще одна значимая точка на предложенной шкале: срок планирования до 10 лет, в идеале являющийся свидетельством наличия оптимальных условий и благоприятного психологического настроения на научную деятельность. Здесь доля гуманитариев почти в 2 раза больше: 9,1 % против 4,9 %.

Свидетельством более благоприятной ситуации в сфере гуманитарных наук явились и результаты ответа на вопрос о том, какие факторы, внутренние (индивидуаль-

ные качества человека – любовь к науке, стремление сделать успешную карьеру) или внешние (обстоятельства в обществе и науке), в большей степени определяют научную деятельность респондента. Доля гуманитариев, ответивших, что такого рода деятельность зависит исключительно от них самих, составила более 13 %; среди их коллег их круга дисциплин социального профиля – немногим более 7 %. В то же время среди последних больше доля респондентов, выбравших компромиссные варианты, с преобладанием факторов внутреннего характера: варианты в промежутке от 1 (только внутренние факторы) до 5 (средние значения) выбрали чуть более 73 % ученых из институтов социального профиля. Среди гуманитариев по аналогичным позициям – 68 % респондентов.

Очевидно, гуманитарии, возможно, и в силу большей зависимости от государственных источников финансирования, более подвержены влиянию слабо зависящих от их личной инициативы внешних обстоятельств. Не случайно среди ученых социального профиля более благоприятны оценки степени адаптации к существующим сегодня социальным и экономическим условиям жизни: более 32 % из них сочли, что они хорошо адаптированы, тогда как среди гуманитариев аналогичной позиции придерживаются лишь 18,2 %. Гуманитарии более склонны к компромиссному варианту, в результате чего более 68% оценили степень адаптации как среднюю; среди их коллег социального профиля доля подобных ответов составила около 52%. Примерно одинаковым оказалось количество ученых, испытывающих серьезные проблемы с адаптацией: по обеим группам около 14 % респондентов ответили, что они с

трудом привыкают к специфике жизни и профессиональной деятельности в современных условиях или совершенно к ним не приспособлены.

Целый блок проведенного эмпирического исследования был посвящен специфике труда ученого в условиях, которые сложились в современной российской науке. Выяснилось, что большинство (около 56 %) респондентов – специалистов в области как социальных, так и гуманитарных наук, ведут работу в основном над *одной* темой. В то же время, когда идет о распределении исследовательского интереса сразу по ряду направлений, то к работе одновременно над несколькими исследовательскими темами более склонны гуманитарии: 36,4 % против 29,3 %. Эта тенденция подтвердилась и в случае, когда ученый работает исключительно над одной научной темой: с этим согласились более 17 % респондентов из области социальных наук и лишь 4,5 % гуманитариев. Очевидно, что данное распределение ответов явно коррелирует с отмеченной выше склонностью гуманитариев к разделению исследований на фундаментальные и прикладные, что приводит и к соответствующему увеличению числа подвергаемых изучению научных тем. В то же время ученые как той, так и другой сферы не слишком часто в своей массе меняли направление исследований. За период с 2000 г. это сделали в среднем около 30 % исследователей всего спектра социогуманитарных наук, тогда как тема осталась неизменной для 58 % (среднее значение) специалистов. Правда, следует также учитывать тот факт, что порядка 15 % ученых в области социальных наук и 9 % гуманитариев изменили направление своих исследований в предыдущие годы.

Неоднозначно оценили респонденты и динамику интенсивности своего труда за последние годы. В целом на основании имеющихся результатов следует сделать вывод, что самооценка интенсивности труда у гуманитариев растет более высокими темпами: именно так ответили почти 60 %. Напротив, лишь 45 % специалистов в области социальных наук уверены в том, что стали работать интенсивнее; 40 % из них считают, что никакой динамики у них не наблюдается – против 32 % у гуманитариев по аналогичному показателю. Следует также обратить внимание на тот факт, что у 15 % ученых в области социальных наук интенсивность труда, согласно их собственным оценкам, и вовсе снизилась, против 9 % у гуманитариев. Не исключено, что данные цифры являются косвенным показателем старения ученых, что, в силу более выраженной рыночной направленности исследований, более характерно именно для социальных наук (на фоне падения числа молодежи растет средний возраст исследователей).

Анализируя ответы респондентов на вопрос о распределении факторов, отвлекающих их от собственно научной деятельности, приходим к выводу, что наибольшим весом для гуманитариев здесь обладают финансовые вопросы. Более 27 % из них указали, что вынуждены тратить свое время на поиск средств для проведения текущих исследований; еще 45 % вынуждены отвлекаться от научной деятельности в поисках средств для обеспечения нормального уровня жизни семьи (с большой долей уверенности можно предположить, что в данном случае речь идет о дополнительных заработках, напрямую не связанных с наукой, например, преподавании для сотрудников академи-

ческого института). Аналогичные показатели для ученых в области социальных наук существенно меньше (13 и 22 %, соответственно), но одновременно они вынуждены существенно большую часть своего времени тратить на административную деятельность (20 % против 5 % у гуманитариев), поддержание здоровья и решение разнообразных семейных проблем. Малозначимым оказалось влияние такого фактора, как коммерческая деятельность: среди гуманитариев его не указал ни один респондент, среди ученых в области социальных наук немногим более 4 %. Если суммировать поиск денег на науку и административную деятельность, объединив их в фактор «профессиональная не-научная деятельность», то выяснится, что показатели для той и другой сферы науки практически совпадают и составляют около 33 %. Таким образом, примерно 1/3 исследователей в социогуманитарной области занята тем, что принято называть научным менеджментом, включая сюда и fund-raising. Все остальные факторы не имеют к науке (понимаемой именно как исследовательская деятельность) как сфере профессиональных занятий непосредственного отношения.

Среди источников средств к существованию для обеих категорий респондентов лидируют оклад в институте или вузе, а также преподавание (впрочем, не исключено, что часть вузовских преподавателей именно этот пункт посчитала аналогичным пункту «оклад в институте» для академических ученых, поэтому оценивать его как вид дополнительного заработка в данном случае некорректно). Немаловажное значение имеют гранты отечественных фондов (в среднем около 17,5 % по всему блоку социогуманитарных наук), при существенно

меньшей доле грантов зарубежных фондов – в среднем около 6,3 %. Таким образом, «грантовая» составляющая доходов научного сотрудника в социогуманитарных дисциплинах составила около 24 %. Стремится к нулю значимость коммерческой деятельности (среди гуманитариев этот пункт не указал вообще ни один респондент), падает также вклад репетиторства и других частных услуг, доля которых в середине 1990-х гг. была достаточно высокой.

Проведенное исследование показало быструю диверсификацию источников доходов ученых социогуманитарных дисциплин. Лишь около 13 % респондентов, ученых как гуманитарных, так и социальных областей знания, указали на отсутствие у них дополнительных доходов. В то же время, оценивая долю дополнительных доходов по отношению к основной заработной плате (окладу в институте или вузе), более 40 % гуманитариев ответили, что они превышают сумму зарплаты; среди специалистов в области социальных наук эта цифра составила около 29 %.

Оценивая свой собственный социальный статус, немногим более 14 % респондентов отнесли себя к группе населения, живущей близко к черте бедности; ниже среднего уровня, по собственному признанию, живут 32,5 % ученых социальных дисциплин и более 38 % гуманитариев. Самой массовой категорией, как и ожидалось, оказались ученые, относящие себя к среднему уровню: около 46 % по обеим категориям. Наконец, 10 % ученых из сферы социальных наук считают, что живут выше среднего уровня. Учитывая, что ученые социальных дисциплин гораздо скромнее оценили долю дополнительных доходов, можно предположить, что в институтах или подразделениях данного профиля более вы-

ражена дифференциация в уровне оплаты труда по основным источникам дохода (заработная плата в институте с различными надбавками, премиальными, внутриакадемическими грантами, которые также относятся к основным, а не дополнительным источникам доходов).

Учитывая, что среди гуманитариев ни один не отнес себя к категории лиц, живущих выше среднего уровня, вероятно, следовало бы сделать вывод об их менее благоприятном социальном самочувствии. Однако цифры, полученные после ответа на вопрос о потенциальной готовности перейти на более высокооплачиваемую работу вне науки, возможно, свидетельствуют об обратном: более 54 % гуманитариев не согласились бы с таким предложением, против 49 % у их коллег по научному цеху. Наконец, косвенным, но весьма убедительным подтверждением высокой самооценки учеными ценности своей профессии и перспектив успешной (с точки зрения сложившихся в современном, в том числе российском обществе, стереотипов жизненного успеха) карьеры в науке служит их желание видеть своих детей научными работниками. Полученные

результаты свидетельствуют, что ситуация в социогуманитарных дисциплинах (на примере такого крупного научного и образовательного центра как Новосибирск) относительно благоприятна. В целом порядка 65% ученых данного профиля на вопрос о том, хотели бы они, чтобы их дети пошли в науку, ответили «да» или «скорее да». Лишь около 5% научных сотрудников (как гуманитариев, так и из области социальных наук) категорически не хотели бы, чтобы их дети пошли в науку.

Литература

Арапов М.В. Есть ли будущее у фундаментальной науки в России? // Общественные науки и современность. – 2005. – № 6. – С. 104–110.

Мирская Е.З. Профессиональное самочувствие российских академических ученых // Вестник РГНФ. – 2003. – № 1. – С. 211–218.

Олейник А.Н. Дефицит общения в науке: институциональное объяснение // Общественные науки и современность. – 2004. – № 1. – С. 41–51.

Юревич А.А. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту // Наука. Инновации. Образование.: – М., 2006. – С. 72–89.